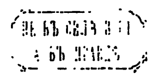
SUR LE MOUVEMENT SOCIAL EN RUSSIE.
par Léon Tolstoy.

Prix: 30 cms.; 3 d.; 6 cts.; 30 hell.; 25 Pf.; 12 коп

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Объ общественномъ движеніи въ Россіи.

Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ [illegible]

A. Tchertkoff,
Christchurch, Hants, England.
1905

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

№		Р.	К.
3.	**Помогите!** Обращеніе къ обществу. П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.	—	12
4.	**Положеніе духоборовъ на Кавказѣ** въ 1896 г. П. Бирюкова и В Черткова.	—	20
5.	**Письма Петра Васильевича Ольховика.**	—	30
6.	**Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность?** Л Н. Толстото. (2-ое изданіе).	—	12
7.	**Приближеніе конца.** Л. Н. Толстого.	—	12
8.	**Объ отношеніи къ государству.** (3 письма: къ либераламъ и друг.) Л. Н. Толстого.	—	20
9.	**Царство Божіе внутри васъ.** Л. Н. Толстого.	1	—
	То же, съ портретомъ автора (1902 г.)	1	50
10.	**Христіанское ученіе.** Л. Н. Толстого.	—	50
16.	**Листки Свободнаго Слова, № 2.**	—	20
17.	**Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина.** Составилъ Е. Поповъ, съ послѣсловіемъ Л. Н. Толстого.	—	60
18.	**Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ.** Л. Н. Толстого.	—	20
19.	**Свободное Слово, № 2.**	1	—
20.	**Листки Свободнаго Слова, № 3.**	—	40
21.	**Воскресеніе.** Романъ Л. Н. Толстого.	5	—
	Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50
22.	**Листки Свободнаго Слова, № 4.** „Стыдно“. Л. Н Толстого.	—	5
23.	**Листки Свободнаго Слова, № 5.** Письмо къ фельдфебелю. Л. Н. Толстого.	—	5
24.	**Листки Свободнаго Слова, № 6.** О манифестаціяхъ въ пользу мира.	—	15
25.	**Листки Свободнаго Слова, № 7.** Мысли Герцена.	—	5
26.	**Листки Свободнаго Слова, № 8.** Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
27.	**Листки Свободнаго Слова, № 9.** Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
28.	**О сожженіи оружія.** Разсказъ Н. Зибарова.	—	20
29.	**Студенческое движеніе 1899 г.** Сборникъ подъ редакціей А. и В. Чертковыхъ.	—	30
31.	**Листки Свободнаго Слова, № 11.** Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и проч).	—	10
32.	**Листки Свободнаго Слова, № 12.** Два письма Л. Н. Толстого. (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ).	—	10
33.	**Листки Свободнаго Слова, № 13.** Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года.	—	30
34.	**Жизнь и ученіе Іисуса.** Л. Н. Толстого.	—	25
35.	**Финляндскій разгромъ.** Сборникъ подъ редакціей В. Черткова.	—	75

SUR LE MOUVEMENT SOCIAL EN RUSSIE.
par Léon Tolstoy.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Объ общественномъ движенiи въ Россiи.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ

Изданiе „Свободнаго Слова".

№ 92.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1905.

Объ общественномъ движеніи въ Россіи.

Два мѣсяца тому назадъ я получилъ телеграмму съ оплаченнымъ на сто словъ отвѣтомъ отъ Сѣверо-Американской газеты, спрашивающей меня о томъ, что я думаю *о значеніи, цѣли и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ земской агитаціи.* Такъ какъ я имѣлъ и имѣю очень опредѣленное и несогласное съ мнѣніемъ большинства мнѣніе объ этомъ предметѣ, я счелъ нужнымъ его высказать.

Я отвѣтилъ такъ:

„Цѣль агитаціи земства — ограниченіе деспотизма и установленіе представительнаго правительства. Достигнутъ ли вожаки агитаціи своихъ цѣлей или будутъ только продолжать волновать общество, — въ обоихъ случаяхъ вѣрный результатъ всего этого дѣла будетъ отсрочка истиннаго соціальнаго улучшенія, такъ какъ истинное соціальное улучшеніе достигается только религіозно нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитація, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія, посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, — что можно замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, Франціи, Англіи и Америкѣ“.

Содержаніе этой телеграммы не вполнѣ точно было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и вслѣдъ

за этимъ я сталъ получать и получаю до сихъ поръ письма съ упреками за выраженную мною мысль и кромѣ того запросы отъ американскихъ, англійскихъ и французскихъ газетъ о томъ, что̀ я думаю о совершающихся теперь въ Россіи событіяхъ. Я хотѣлъ было не отвѣчать ни на тѣ, ни на другія, но послѣ Петербургскаго злодѣянія и тѣхъ сложныхъ чувствъ негодованія, страха, озлобленія и ненависти, которыя это злодѣяніе вызвало въ обществѣ, я счелъ своей обязанностью высказать съ большей подробностью и опредѣленностью то же, что̀ вкратцѣ было высказано мною въ ста словахъ американской газеты. Можетъ быть то, что̀ я имѣю сказать, поможетъ хотя нѣкоторымъ людямъ освободиться отъ тѣхъ мучительныхъ чувствъ осужденія, стыда, раздраженія, ненависти и желанія борьбы, мести и сознанія своей безпомощности, которыя испытываетъ теперь большинство русскихъ людей, и направитъ ихъ энергію на ту внутреннюю, духовную дѣятельность, которая одна даетъ истинное благо какъ личностямъ, такъ и обществу, и которая теперь тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ сложнѣе и тяжелѣе совершающіяся событія.

Думаю я о совершающихся событіяхъ вотъ что:

Не только русское, но всякое правительство я считаю сложнымъ, освященнымъ преданіемъ и обычаемъ, учрежденіемъ для совершенія посредствомъ насилія безнаказанно самыхъ ужасныхъ преступленій, убійствъ, ограбленій, спаиванія, одуренія, развращенія, эксплуатаціи народа богатыми и властвующими; и потому полагаю, что всѣ усилія людей, желающихъ улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобожденіе себя отъ правительствъ, зло и, главное, ненужность которыхъ становятся въ наше время все болѣе и болѣе очевидными. Достигается, по моему мнѣнію, эта цѣль однимъ, только *однимъ единственнымъ средствомъ*: *внутреннимъ религіозно нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ лицъ.*

Чѣмъ выше въ религіозно нравственномъ отношеніи будутъ люди, тѣмъ лучше будутъ тѣ общественныя формы, въ которыя они сложатся, тѣмъ меньше будетъ правительственнаго насилія и совершаемаго имъ зла. И наоборотъ, чѣмъ ниже въ религіозно нравственномъ отношеніи будутъ люди извѣстнаго общества, тѣмъ могущественнѣе будетъ правительство и тѣмъ больше то зло, которое оно совершаетъ.

Такъ что зло, испытываемое людьми отъ злодѣяній правительствъ, всегда пропорціонально религіозно нравственному состоянію общества, какую бы — ту или иную форму ни приняло это общество.

Между тѣмъ нѣкоторые люди, видя все то зло, которое совершаетъ въ настоящее время русское, особенно жестокое, грубое, глупое и лживое правительство, — думаютъ, что происходитъ это оттого, что русское правительство не такъ устроено, какъ они думаютъ, что оно должно бы было быть устроено, — по образцу другихъ существующихъ правительствъ (такихъ же учрежденій для безнаказаннаго совершенія всякаго рода преступленій надъ своими народами); и для исправленія этого люди эти употребляютъ всѣ находящіяся въ ихъ власти средства, воображая, что измѣненіе внѣшнихъ формъ можетъ измѣнить содержаніе.

Дѣятельность такую я считаю *нецѣлесоообразной*, *неразумной*, *неправильной* (т. е., что люди приписываютъ себѣ права, которыхъ они не имѣютъ) и *вредной.*

Нецѣлесообразной я считаю такую дѣятельность потому, что борьба силою и вообще внѣшними проявленіями (а не одной духовной силой) ничтожной горсти людей съ могущественнымъ правительствомъ, отстаивающимъ свою жизнь и имѣющимъ для этого въ своей власти милліоны вооруженныхъ, дисциплинированныхъ людей и милліарды денегъ, — только смѣшна съ точки зрѣнія возможности успѣха и жалка съ точки зрѣнія погибели тѣхъ несчастныхъ увле-

ченныхъ людей, которые гибнутъ въ этой неравной борьбѣ.

Неразумной я считаю эту дѣятельность потому, что, допустить самое невѣроятное, — т. е. что люди борящіеся теперь съ существующимъ правительствомъ восторжествуютъ, — положеніе людей не можетъ отъ этого улучшиться.

Теперешнее насильническое правительство таково вѣдь только отъ того, что общество, надъ которымъ властвуетъ правительство, состоитъ изъ нравственно слабыхъ людей, изъ которыхъ одни, руководимые честолюбіемъ, корыстью, гордостью, не стѣсняясь совѣстью, всѣми средствами стараются захватить и удержать власть, а другіе изъ страха, тоже корысти, тщеславія или вслѣдствіе одуренія, помогаютъ первымъ и подчиняются. И потому, какъ бы ни перемѣщались эти люди, въ какую бы форму ни складывались, изъ такихъ людей всегда сложится такое же, столь же насильническое правительство.

Неправильной же я считаю эту дѣятельность потому, что люди, теперь въ Россіи борящіеся противъ правительства, — либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революціонеры и нѣсколько тысячъ оторванныхъ отъ народа и опропагандированныхъ рабочихъ, — называя и считая себя представителями народа, не имѣютъ на это званіе никакого права. Люди эти предъявляютъ правительству во имя народа требованія свободы печати, свободы совѣсти, свободы собраній, отдѣленія церкви отъ государства, восьмичасового рабочаго дня, представительства и т. п. А спросите народъ, большую массу, сто милліоновъ крестьянства о томъ, что̀ они думаютъ объ этихъ требованіяхъ, и настоящій народъ, крестьяне будутъ въ затрудненіи отвѣчать, потому что требованія эти и свободы печати, и свободы собраній, отдѣленія церкви отъ государства, даже восьмичасового дня — для большей массы крестьянства не представляютъ никакого интереса.

Ему не нужно ничего этого, ему нужно другое: то, чего онъ давно ждетъ и желаетъ, о чемъ не переставая думаетъ и говоритъ, и то, о чемъ нѣтъ ни одного слова во всѣхъ либеральныхъ адресахъ и рѣчахъ и чуть мелькомъ упоминается въ революціонныхъ, соціалистическихъ программахъ, — онъ ждетъ и желаетъ одного: освобожденія земли отъ права собственности, общности земли. Когда земля не будетъ отнята у него, его дѣти не пойдутъ на фабрики, а если и пойдутъ, сами установятъ себѣ часъ и цѣну.

Говорятъ: дайте свободу и народъ выскажетъ свои требованія. Это неправда. Въ Англіи, Франціи, Америкѣ — полная свобода печати, — но объ освобожденіи земли не говорятъ въ парламентахъ, почти что не говорятъ въ прессѣ, и вопросъ объ общемъ правѣ всего народа на землю остается совершенно на заднемъ планѣ.

И потому либеральные и революціонные дѣятели, составляющіе программы требованій народа, не имѣютъ никакого права считать себя представителями народа: они представляютъ только себя.

Такъ, по моему, нецѣлесообразна, неразумна и неправильна эта дѣятельность; вредна же она тѣмъ, что отвлекаетъ людей отъ той единственной дѣятельности — нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ лицъ — посредствомъ которой и только посредствомъ которой достигаются тѣ цѣли, къ которымъ стремятся люди, борящіеся съ правительствомъ.

Скажутъ: „одно не мѣшаетъ другому". Но это неправда. Нельзя дѣлать двухъ дѣлъ за разъ: нельзя нравственно совершенствоваться и участвовать въ политическихъ дѣлахъ, вовлекающихъ людей въ интриги, хитрости, борьбу, озлобленіе, доходящее до убійствъ. Дѣятельность политическая не только не содѣйствуетъ освобожденію людей отъ насилій правительствъ, но, напротивъ, дѣлаетъ людей все болѣе и болѣе неспособными къ той единственной дѣятельности, которая можетъ освободить ихъ.

До тѣхъ поръ пока люди будутъ неспособны устоять противъ соблазновъ страха, одуренія, корысти, честолюбія, тщеславія, которыя порабощаютъ однихъ и развращаютъ другихъ, они всегда сложатся въ общество насилующихъ, обманывающихъ и насилуемыхъ и обманываемыхъ. Для того, чтобы этого не было, каждому человѣку надо сдѣлать нравственное усиліе надъ самимъ собой. Люди сознаютъ это въ глубинѣ души, но имъ хочется какъ нибудь помимо усилія достигнуть того, что̀ достигается только усиліемъ.

Выяснить своими усиліями свое отношеніе къ міру и держаться его, установить свое отношеніе къ людямъ на основаніи вѣчнаго закона дѣланія другому того, что̀ хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, подавлять въ себѣ тѣ дурныя страсти, которыя подчиняютъ насъ власти другихъ людей, не быть ничьимъ господиномъ и ничьимъ рабомъ, не притворяться, не лгать, ни ради страха, ни выгоды, не отступать отъ требованій высшаго закона своей совѣсти, — все это требуетъ усилій; вообразить же себѣ, что установленіе извѣстныхъ формъ какимъ то мистическимъ путемъ приведетъ всѣхъ людей, въ томъ числѣ и меня, ко всякой справедливости и добродѣтели, и для достиженія этого, не дѣлая усилій мысли, повторять то, что̀ говорятъ всѣ люди одной партіи, суетиться, спорить, лгать, притворяться, браниться и драться, — все это дѣлается само собою и для этого не нужно усилія.

Людямъ такъ хочется, чтобы это было, что они увѣряютъ себя, что это и есть. И вотъ является такая теорія, по которой доказывается, что люди могутъ безъ усилія достигнуть плодовъ усилія. Теорія совершенно подобная той, по которой молитва о своемъ совершенствованіи, вѣра въ искупленіе грѣховъ кровью Христа или въ благодать, передаваемую таинствами, могутъ замѣнить личное усиліе. На этой же психологической иллюзіи основана и та удивительная теорія объ улучшеніи общественной жизни

посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, которая произвела и производитъ такія ужасныя бѣдствія и болѣе всего другого задерживаетъ истинный прогрессъ человѣчества.

Люди сознаютъ, что въ ихъ жизни что̀-то нехорошо и что что̀-то надо улучшить. Улучшать же человѣкъ можетъ только то одно, что̀ въ его власти, — самого себя. Но для того, чтобы улучшать самого себя, надо прежде всего признать, что я нехорошъ; а этого не хочется. И вотъ все вниманіе обращается не на то, что̀ всегда въ своей власти, — не на себя, а на тѣ внѣшнія условія, которыя не въ нашей власти, и измѣненіе которыхъ такъ же мало можетъ улучшить положеніе людей, какъ взбалтываніе вина и переливаніе его въ другой сосудъ не можетъ измѣнить его качества. И начинается, во первыхъ, праздная, а во вторыхъ вредная, гордая (мы исправляемъ другихъ людей) и злая (можно убить людей, мѣшающихъ общему благу), развращающая дѣятельность.

„Перестроимъ общественныя формы, и общество будетъ благоденствовать.“ Хорошо бы было, если бы такъ легко достигалось благо человѣчества. Къ несчастію, или скорѣе къ счастію (потому что если бы одни люди могли устраивать жизнь другихъ, эти другіе были бы самые несчастные люди), — къ счастію это не такъ: жизнь человѣческая измѣняется не отъ измѣненія внѣшнихъ формъ, а только отъ внутренней работы каждаго человѣка надъ самимъ собой. Всякое же усиліе воздѣйствія на внѣшнія формы или на другихъ людей, не измѣняя положенія другихъ людей, только развращаетъ, умаляетъ жизнь того, кто, — какъ всѣ тѣ политическіе дѣятели, короли, министры, президенты, члены парламентовъ, всякаго рода революціонеры, либералы, — отдается этому губительному заблужденію.

Поверхностно судящіе, легкомысленные люди, особенно взволнованные совершившейся на дняхъ въ

Петербургѣ братоубійственной бойней и всѣми сопровождавшими это злодѣяніе событіями, думаютъ, что главная причина этихъ событій въ деспотизмѣ русскаго правительства и что если бы самодержавная, монархическая форма русскаго правительства была замѣнена конституціонной или республиканской, такія событія не могли бы повторяться.

Но вѣдь главное (если вникнуть во все его значеніе) бѣдствіе, отъ котораго страдаетъ теперь русскій народъ, это не петербургскія событія, а затѣянная десяткомъ безнравственныхъ людей, легкомысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалѣчила сотни тысячъ русскихъ людей, угрожаетъ уничтожить и искалѣчить еще столько же; раззорила и раззоряетъ не только людей настоящаго времени, но накладываетъ еще огромный, въ видѣ долговъ, налогъ на трудъ будущихъ поколѣній и губитъ души людей, развращая ихъ. То, чтò было въ Петербургѣ 9-го января, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чтò дѣлается тамъ. Тамъ, на войнѣ убивается и калѣчится въ сотни разъ большее число людей, чѣмъ то, которое погибло 9-го января въ Петербургѣ. И погибель этихъ людей тамъ не только не возмущаетъ общества, какъ убійства въ Петербугѣ, но бòльшая часть общества равнодушно, а часть его даже сочувственно смотритъ на то, что новыя и новыя тысячи людей гонятся туда для такого же безсмысленнаго, безцѣльнаго уничтоженія.

Бѣдствіе это ужасно. И потому, если ужъ говорить о бѣдствіяхъ русскаго народа, то главное бѣдствіе — это война, а петербургскія событія — только невольное, сопутствующее большому бѣдствію обстоятельство, и, если отыскивать средства избавленія отъ бѣдствій, то надо найти такія, которыя избавляли бы отъ обоихъ бѣдствій. Перемѣна же деспотической формы правленія на конституціонную или республиканскую не избавитъ Россію ни отъ того, ни отъ другого бѣдствія. Всѣ конституціонныя го-

сударства точно такъ же, какъ и русское, не переставая безсмысленно вооружаются и точно такъ же, какъ и русское, когда это вздумается нѣсколькимъ людямъ, имѣющимъ власть, посылаютъ свои народы на братоубійства. Абиссинская, Бурская, Испанская, война съ Кубой, Филиппинами, Китай, Тибетъ, война съ Африканскими народами — все это войны, веденныя самими конституціонными и республиканскими правительствами, и точно такъ же всѣ эти правительства, когда находятъ это нужнымъ, подавляютъ вооруженной силой тѣ возстанія и проявленія воли народовъ, которыя они считаютъ нарушеніемъ законности, т. е. — того, что̀ эти правительства въ данную минуту считаютъ закономъ.

Когда въ государствѣ, съ какой бы то ни было конституціей, существуетъ организація насильнической власти, которая тѣми или иными пріемами можетъ быть захвачена нѣсколькими людьми, всегда происходятъ и будутъ происходить, въ той или иной формѣ, такія же событія, какъ тѣ, которыя происходятъ теперь въ Россіи — и война и подавленіе возстаній.

Такъ что значеніе происходившихъ въ Петербургѣ событій совсѣмъ не въ томъ, какъ это думаютъ легкомысленные люди, что событія эти показали намъ особенную зловредность русскаго деспотическаго правительства, и что поэтому надо постараться замѣнить русское деспотическое правительство конституціоннымъ. Значеніе этихъ событій гораздо важнѣе: оно заключается въ томъ, что по дѣйствіямъ особенно глупаго и грубаго русскаго правительства намъ яснѣе, чѣмъ по дѣйствіямъ другихъ болѣе приличныхъ правительствъ, зловредность и ненужность не такого или иного, а *всякаго* правительства, т. е. собранія имѣющихъ возможность заставлять подчиняться своей волѣ большинство народа.

Въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Германіи зловредность правительствъ такъ замаскирована, что люди

этихъ народовъ, указывая на событія въ Россіи, наивно воображаютъ, что то, что̀ дѣлается въ Россіи, дѣлается только въ Россіи, а что они пользуются совершенной свободой и не нуждаются ни въ какомъ улучшеніи своего положенія, т. е. находятся въ самомъ безнадежномъ состояніи рабства, — рабства рабовъ, не понимающихъ того, что они рабы, и гордящихся своимъ положеніемъ рабовъ.

Положеніе насъ, русскихъ, въ этомъ отношеніи и тяжелѣе (въ томъ отношеніи, что совершаемыя насилія грубѣе) и лучше въ томъ, что намъ легче понять въ чемъ дѣло.

Отношеніе, положеніе и настроеніе русскихъ людей и европейскихъ и въ особенности американскихъ, совершенно такое, какъ описывается отношеніе, положеніе и настроеніе двухъ людей, вошедшихъ въ храмъ, про которыхъ разсказывается въ евангеліи Луки гл. XVIII, ст. 10, 11, 13 (фарисей и мытарь).

Дѣло въ томъ, что всякое насильническое правительство по существу своему ненужное, великое зло и что поэтому дѣло, какъ насъ, русскихъ, такъ и всѣхъ людей, порабощенныхъ правительствами, не въ томъ, чтобы замѣнять одну форму правительства другой, а въ томъ, чтобы избавиться отъ всякаго правительства, уничтожить его.

Такъ что мнѣніе мое о совершающихся теперь въ Россіи событіяхъ такое: русское правительство, какъ всякое правительство, есть ужасный, безчеловѣчный и могущественный разбойникъ, зловредная дѣятельность котораго не переставая проявлялась и проявляется точно такъ же, какъ зловредная дѣятельность всѣхъ существующихъ правительствъ: американскаго, французскаго, японскаго, англійскаго. И потому всѣмъ разумнымъ людямъ надо всѣми силами стараться избавиться отъ всякихъ правительствъ, и русскимъ людямъ отъ русскаго.

Для того же, чтобы избавиться отъ правительствъ, надо не бороться съ ними внѣшними средствами (до

смѣшного ничтожными въ сравненіи съ средствами правительствъ), а надо только не участвовать въ нихъ и не поддерживать ихъ. Тогда они будутъ уничтожены.

Для того же, чтобы не участвовать въ правительствахъ и не поддерживать ихъ, надо быть свободнымъ отъ тѣхъ слабостей, по которымъ люди попадаются въ сѣти правительствъ и дѣлаются рабами или участниками ихъ.

А быть свободнымъ отъ тѣхъ слабостей, которыя дѣлаютъ людей рабами и участниками правительствъ, можетъ только человѣкъ, установившій свое отношеніе ко Всему, къ Богу, и живущій по единому, высшему закону, вытекающему изъ этого отношенія, т. е. человѣкъ религіозно нравственный.

И потому чѣмъ яснѣе видятъ и чувствуютъ люди зло правительствъ, — какъ теперь мы, русскіе люди, особенно ясно, болѣзненно чувствуемъ зло глупаго, жестокаго и лживаго русскаго правительства, погубившаго уже сотни тысячъ людей, раззоряющаго и развращающаго милліоны людей и начинающаго уже вызывать русскихъ людей на убійство другъ друга, — тѣмъ напряженнѣе должны мы стараться установить въ себѣ ясное и твердое религіозное сознаніе, и тѣмъ неуклоннѣе исполнять вытекающій изъ этого сознанія законъ Бога, не требующій отъ насъ исправленія существующаго правительства или установленія такого общественнаго устройства, которое по нашимъ ограниченнымъ взглядамъ обезпечиваетъ общее благо, а требующій отъ насъ только одного: нравственнаго самосовершенствованія, т. е. освобожденія себя отъ всѣхъ тѣхъ слабостей и пороковъ, которые дѣлаютъ насъ рабами правительствъ и участниками ихъ преступленій.

Я кончилъ эту замѣтку и былъ въ нерѣшительности — публиковать или не публиковать ее, когда получилъ замѣчательное, не подписанное письмо.

Вотъ это письмо:

„Который день не могу справиться съ собою.

„Когда кто начинаетъ говорить о рабочихъ, начинаю его ненавидѣть и дѣлается физически скверно.

„Были и груды труповъ, и женщины, и дѣти, которыхъ окровавленныхъ везли на извощикахъ. Но развѣ *это* страшно? Страшны солдаты съ своими обыкновенными, недумающими и непонимающими добрыми лицами, какъ они припрыгиваютъ на морозѣ и ждутъ команды въ кого то стрѣлять. Страшна публика тоже съ обыкновенными, любопытными лицами. Даже самые добрые люди идутъ, чтобы увидѣть самимъ, или отъ другихъ узнать про что нибудь „ужасное“ — окровавленные, разрубленные трупы и т. д... Точно можетъ быть что нибудь страшнѣе этихъ солдатъ, которые *какъ всегда*, и этихъ добрыхъ людей, которымъ хочется одного — чтобы нервы содрогнулись отъ чего нибудь ужаснаго.

„Я не могу опредѣлить, чтò тутъ самое страшное; кажется тò, что они *не понимаютъ* и что у нихъ *обыкновенныя* лица, несмотря на то, что черезъ часъ будутъ убиты люди и вездѣ на камняхъ кровь. Кажется самое страшное ощущать, что между людьми *нѣтъ никакой связи*, кажется это самое страшное.

„Изъ той же деревни, только одни въ сѣрой шинели, а другіе въ черномъ пальто, и никакъ не можешь понять, почему сѣрые шутятъ о морозѣ и мирно поглядываютъ на идущихъ мимо нихъ черныхъ людей, когда они не только знаютъ, что у каждаго изъ нихъ патроны на десять выстрѣловъ, но знаютъ и то, что черезъ часъ, два всѣ эти патроны будутъ истрачены. И черные люди смотрятъ на нихъ, точно такъ тому и быть должно. Объ этомъ *разобщающемъ* людей читаешь въ книгахъ, говоришь и не чувствуешь, какъ это страшно; а когда все это вокругъ тебя и, какъ эти дни, на время все другое перестало существовать, а есть *только* это одно: сѣрыя шинели, черныя пальто и нарядныя шубы, и всѣ они заняты

однимъ, но всѣ *по разному*, никого это не удивляетъ, никто изъ нихъ не знаетъ, почему одни стрѣляютъ, другіе падаютъ, а третьи смотрятъ. И въ другое время — та же страшная и непонятная жизнь, гдѣ въ порядкѣ вещей убивать по командѣ безъ всякой вражды и ненависти: но эти дни все остальное остановилось на время и осталось только это страшное. Такое чувство, точно отъ каждаго человѣка тебя отдѣляетъ пропасть, и ея не перейти, хоть ты и совсѣмъ близко. Это чувство невыносимо.

„Разъ пfive принималась писать вамъ и бросала и въ концѣ концовъ все таки пишу. Можетъ быть просто потому, что непереносимо молчать изо дня въ день. Всѣ говорятъ о помощи рабочимъ и сочувствуютъ будто бы. Но ужасно не положеніе рабочихъ, и помощь нужна не имъ, а тѣмъ, кто стрѣлялъ и топталъ людей, и тѣмъ, кто на другой день гулялъ и смотрѣлъ на разбитыя стекла, фонари, на слѣды пуль, и не видѣлъ замерзшей крови на тротуарѣ и шаркалъ по ней ногами.“

Да, все дѣло въ томъ, что есть что-то, что̀ *разобщаетъ* людей, и что нѣтъ связи между людьми. Все дѣло въ томъ, чтобы устранить то, что̀ разобщаетъ людей и поставить на это мѣсто то, что̀ соединяетъ ихъ. Разобщаетъ же людей *всякая* внѣшняя, насильническая форма правленія, соединяетъ же ихъ одно: отношеніе къ Богу и стремленіе къ Нему, потому что Богъ одинъ для всѣхъ и отношеніе всѣхъ людей къ Богу одно и то же.

Хотятъ или не хотятъ признавать это люди, передъ всѣми нами стоитъ одинъ и тотъ же идеалъ высшаго совершенствованія, и только стремленіе къ нему уничтожаетъ разобщеніе и приближаетъ насъ другъ къ другу.

Левъ Толстой.

2/15 Февраля 1905 года.
Ясная Поляна.

